

Вдруг из-за спины донесся чужой голос. Вздвигнув, Цин И резко обернулся и в бледном лунном свете отчетливо разглядел фигуру в золотом венце — это был сам Император, Цюй Ли. Сердце ушло в пятки; юноша испуганно вскочил и тут же рухнул на колени, склонив голову до самой земли:

— Ничтожный лекарь Е Юань приветствует Ваше Величество! Моя дерзость потревожила покой государя, я достоин тысячи смертей!

Цюй Ли тихо, снисходительно усмехнулся:

— Лекарь Е, ты так и не ответил. Неужели Я и впрямь помешал тебе?

— Молю о прощении, Ваше Величество, — повинился Цин И, не смея поднять глаз. — Ничтожный не ведал, что государь почитит это место своим присутствием. Я лишь шептал в пустоту, рассуждая сам с собой.

— Поднимись, Я не держу на тебя зла.

— Благодарю за милость, Ваше Величество.

Встав на ноги, Цин И почтительно отступил на полшага и замер в ожидании, а в голове его вихрем проносились тревожные мысли: «Как он здесь оказался?»

— Меня гнетут думы о государственных заботах, — негромко произнес Цюй Ли, устремив взор на ночное светило. — Увидев, как прекрасна сегодня луна, Я решил покинуть покои и немного прогуляться.

— Ваше Величество трудится не покладая рук с рассвета до глубокой ночи, неустанно радея о благе государства. Подобное усердие правителя — истинное благословение для всего народа, — отозвался Цин И, вежливо лстя монарху, а про себя настороженно подумал: «Неужто он угадал мои мысли?»

Цюй Ли искоса глянул на покорно склонившегося юношу. На губах его играла едва заметная, скользкая улыбка:

— Лекарь Е, а ты, как Я погляжу, искусен в речах. Неужто мой царственный брат обучил тебя этим славословиям?

У Цин И по спине пробежал ледяной пот. Он поспешно склонился еще ниже:

— Ваше Величество изволит чрезмерно беспокоиться. Государь бодрствует глубокой ночью, сокрушаясь о судьбах подданных — так поступают лишь мудрые и добродетельные владыки.

Мои слова идут от самого сердца, и для этой искренности мне не нужны чужие наставления.

— Ха-ха... Ну и ну, лекарь Е! — рассмеялся Император, но голос его звучал сухо и холодно. — Юнь Чжоу!

— Ваш раб здесь, — тут же отозвался старый евнух, бесшумно выступив из тени деревьев.

— Ступай прочь. Я желаю побеседовать с лекарем Е наедине.

— Слушаюсь, Ваше Величество.

Слово «наедине» заставило Цин И задрожать. О чем властителю Поднебесной говорить с безродным лекарем? Провожая взглядом удаляющуюся стражу во главе с евнухом Юнь Чжоу, юноша судорожно соображал, как быть. Выхода не было — оставалось лишь принять вызов и действовать по обстоятельствам. В конце концов, чему быть, того не миновать.

— Лекарь Е.

— Ничтожный слушает, Ваше Величество.

— Как видно, слухам верить нельзя, — неторопливо произнес Цюй Ли, сделав шаг ближе. — Понимаешь ли ты, к чему Я клоню?

— Мой ум ограничен, а познания скудны. Прошу Ваше Величество просветить меня.

— Скудны? Ха! — Император подошел почти вплотную. — О прославленном на всю Поднебесную целителе Е Юане говорят, будто он гордец, чуждающийся мирской суеты и скупой на улыбки. Признаться, Я и раньше не слишком доверял этим толкам.

Цюй Ли медленно прохаживался вокруг него. Цин И, не смея поднять головы, упорно разглядывал темную траву под ногами. Единственное, о чем он сейчас молил — чтобы призрачный, неверный свет луны утаил от пронизательного взора правителя охватившее его смятение.

Если этот человек поймет, что перед ним самозванец, казни не избежать — в лучшем случае его ждет обвинение в оскорблении величия и обмане государя. Древний мир не чета веку грядущему: жестокие истины вроде «власть императора безгранична» или «близость к владыке — что близость к тигру» обретали здесь осязаемую, леденящую кровь реальность. Только оказавшись в шкуре дичи, понимаешь истинный смысл этих слов.

— Когда Я лежал на смертном одре, а ты явился во дворец для моего исцеления, Я взглянул на тебя и поначалу поверил слухам. Однако... — Цюй Ли резко оборвал фразу.

У Цин И болезненно екнуло сердце.

— Скажи мне, лекарь Е, помнишь ли ты свои первые слова, сказанные Мне в императорской опочивальне?

«Слова?.. Какие еще слова?! Откуда мне знать, что наговорил ему настоящий Е Юань?»

Пальцы Цин И мелко задрожали, и он торопливо спрятал руки в широкие рукава халата. Цюй Ли затеял опасную игру. Очевидно, что эта ночная беседа — ловушка, цель которой — вывести самозванца на чистую воду. Но зачем? Какое дело молодому императору до безродного целителя, если только... за этим не стоит фигура его брата, принца Чжао, Цюй Луныцзюня?

— Что же ты молчишь, лекарь? — Цюй Ли насмешливо выгнул бровь.

В полумраке лица собеседника было не разглядеть, но волны паники, исходившие от юноши, выдавали его с головой. Теперь Император был практически убежден: перед ним стоит чужак. Это не Е Юань.

— Столько воды утекло с тех пор... Ничтожный давно позабыл свои дерзкие речи. Молю о снисхождении, Ваше Величество, — выдавил Цин И.

— Что ж, коль память подводит тебя, Я соблаговолю помочь, — вкрадчиво протянул Цюй Ли. — Сняв пальцы с Моего запястья, достопочтенный лекарь Е произнес тогда весьма примечательные слова: «Болезнь проникла в самую кость, снадобья бессильны».

Последние слова Император выговорил с особым, зловещим нажимом.

Цин И показалось, будто из его легких разом выбили весь воздух. Он едва не задохнулся от страха:

— Пощадите, Ваше Величество! Мой глупый язык повинен в дерзости, я заслуживаю смерти за оскорбление Вашего Величия!

— Ха-ха-ха! — Цюй Ли запрокинул голову и разразился раскатистым смехом, возвышаясь над замершим юношей подобно грозовой туче. — До чего же коротка твоя память, лекарь! Как ты мог позабыть слова, решившие судьбу трона? Ведь на самом деле ты сказал Мне тогда... — Государь склонился к самому его уху и произнес ледяным, вкрадчивым шепотом: — «Даже боги... бессильны... помочь...»

Конец.

Эта мысль ледяной иглой пронзила разум Цин И. Монарх пришел подготовленным, ловушка

захлопнулась. Рано или поздно шило все равно вылезло бы из мешка — невозможно бесконечно водить за нос столь искушенных в интригах людей.

Понимая, что любые оправдания прозвучат жалко, Цин И молча подобрал полы халата и вновь опустился на колени, прижавшись лбом к холодной земле.

— Что это ты делаешь, лекарь Е? К чему столь пышные церемонии? — с притворной заботой осведомился Цюй Ли.

Юноша не проронил ни звука. Смерть так смерть, жизнь у него одна, и если Император решил забрать ее прямо сейчас — пусть забирает. Сдаваться и пресмыкаться он не станет.

— Встань, — мягко приказал Император.

— Молю о пощаде, Ваше Величество!

— О какой пощаде ты просишь? В чем твоя вина?

— Я... ничтожный...

— Довольно, поднимись же наконец. Мною движет лишь праздное любопытство.

Цин И медленно поднялся, чувствуя, как бешено колотится сердце. Цюй Ли оказался грозным противником — истинный сын своего отца, унаследовавший престол не по чистой случайности. Он виртуозно сочетал милость с угрозой. Очевидно, он с самого начала знал правду о подмене. И эта «случайная» встреча под луной была тщательно спланирована. Но какова его истинная цель? Императоры не тратят время на забавы с безвестными лекарями. Все ниточки вели к принцу Чжао — если бы Цин И не занимал столь важное место в жизни Цюй Луныцзюня, монарх и ухом бы не повел.

— Так как же Мне величать тебя отныне? По-прежнему звать лекарем Е? — вкрадчиво поинтересовался Цюй Ли, буравя его взглядом.

Какой иезуитский ход! Настоящий шах и мат. Ответишь «нет» — признаешь вину в обмане престола, добровольно вложив в руки тирана смертоносное оружие, которое тот пустит в ход в любой удобный момент. И неважно, против самого Цин И или против принца Чжао — Император выжмет из этого компромата всё до последней капли. Ответишь «да» — продолжишь лгать в лицо государю, который только что уличил тебя во лжи. Любое слово вело на плаху. Но, возможно, этой ловушки было не избежать, и Цюй Ли просто выжидал удобного момента, чтобы захлопнуть силки?

От этой мысли страх, как ни странно, улетучился, уступив место холодной решимости. Чему быть — того не миновать. Император приказал страже удалиться, а значит, он не собирается

немедленно предавать дело огласке. Чего же он хочет? Разведать обстановку? Но что тут разведывать? Борьба за власть внутри правящего клана велась испокон веков, в истории его прежнего мира подобных примеров было без счета — династии сменяли друг друга в реках крови. Если Цюй Ли сомневается в его личности, он наверняка догадывается, что для принца Чжао этот самозванец — вовсе не тот бесценный Е Юань. Так зачем тратить время? Может, хочет завербовать шпиона в стане врага? Вполне вероятно, но слишком уж рискованно.

В любом случае, злить Императора сейчас смерти подобно. Цин И не стремился к чинам и богатству, его единственным желанием было выжить. Он никогда не лез на рожон, но если беда сама постучалась в двери, нужно проявить гибкость ума и выпутаться из сетей невредимым.

Мгновенно взвесив все «за» и «против», Цин И почтительно склонил голову:

— Ничтожный — верный подданный Королевства Цюй и Вашего Величества. Имя — лишь пустой звук, земной знак. Как бы государь ни изволил величать своего слугу, для меня это величайшая милость.

В полумраке Цюй Ли хищно прищурился. «А этот юнец не так прост, как кажется», — отметил про себя Император.

Этой ночью государь действительно вышел развеять тоску. Запутавшись в клубке государственных интриг, он брел куда глаза глядят, пока доносившиеся из глубины сада чарующие звуки травяной дудочки не привели его на эту поляну. Поистине, судьба преподнесла ему неожиданный подарок. Со времен своего чудесного исцеления Цюй Ли питал глубокие подозрения насчет «лекаря Е». Разительное несходство в манерах поведения до и после болезни, совершенно иные повадки, речь, взгляд — как бы безумно это ни звучало, Император понимал: перед ним абсолютно другой человек.

Разумеется, он приказал тайно проверить каждый шаг юноши. На то он и был самодержцем — монарх, лишенный преданных ищеек во всех концах столицы, быстро теряет не только трон, но и голову.

Донесения шпионов лишь укрепили его догадки: вернувшись в поместье принца Чжао, мнимый лекарь Е вел себя совсем не так, как прежний нелюдимый целитель. Они были разными, словно небо и земля.

В душе Императора пробудилось опасное любопытство. Переселение душ? Овладение чужой плотью? Оболочка, без сомнения, принадлежала Е Юаню, но чей дух поселился в ней?

Теперь же, после короткого разговора, Цюй Ли на все сто процентов убедился в одном: неведомый гость из загробного мира далеко не глуп.

У Цюй Ли имелись свои виды на этого юношу. Трон достался ему якобы по воле Небес, но

правил он меньше года. Новая метла метет по-новому, однако за столь короткий срок сменить всю верхушку чиновничества было невозможно.

С малых лет Цюй Ли отличался коварством и безмерным честолюбием, втайне вождедая власти. И все же его шансы на престол изначально стремились к нулю. Если говорить о делах государственных — Первый принц, принц Сянь, пользовался безоговорочной поддержкой императорского рода и высших сановников. С точки зрения учености — Второй принц, принц Сюань, с юности славился выдающимся умом и глубокими познаниями. На военном поприще никто не мог сравниться с Третьим принцем, принцем Чжао, Цюй Луньцзюнем, который вел войска к победам и знал толк в стратегии. А в умении снискать милость и ласку покойного государя Цзяня преуспел Четвертый принц, принц Ань.

Пятый принц, Цюй Ли, не был ни первенцем, ни сыном законной императрицы. Рожденный наложницей, окруженный врагами, он находился в самом невыгодном положении. И все же именно он взошел на трон. Не нужно обладать богатым воображением, чтобы понять, сколь кровавым, жестоким и беспощадным был его путь к заветной вершине.

Заветная мечта сбылась, но триумф не принес покоя. Большая часть придворных — ставленники прежнего правителя — презирали нового государя, считая его беспринципным интриганом, захватившим власть обманным путем. Сплотившись в тайные союзы, они пытались навязать свою волю молодому императору. К тому же по дворцовым коридорам и столичным чайным ползли зловещие слухи: поговаривали, будто низложение бывшего наследника и гибель Второго принца — дело рук Цюй Ли. Смерть Четвертого принца от яда также приписывали новому владыке. Как завоевать преданность подданных с такой репутацией?

Сами сплетни мало заботили Императора. Пускай болтают что угодно — главное, чтобы кисти придворных историографов выводили летопись по его указке. Переписать историю? Пустяки. Он — верховный правитель, и грязная правда о его восхождении на престол никогда не должна стать достоянием потомков.

Беда в том, что силы его были ограничены. Чиновники кланялись, но держали камень за пазухой; громоздкий государственный аппарат со скрипом подчинялся его воле. Ему отчаянно не хватало по-настоящему верных, преданных только ему людей.

В свое время, сражаясь за власть, Цюй Ли сумел привлечь немало одаренных соратников. Однако те, кто хорош в завоевании престола, редко подходят для мирного управления страной. Теперь, когда корона венчала его голову, времена изменились. Прежние сторонники, безусловно, имели огромные заслуги, но их полезность для трона стремительно сходилась на нет.

Цюй Ли предстояло решить сложнейшую задачу: как подчинить империю своей единоличной воле? Если оставаться в окружении старой знати, он навек лишится свободы действий. С древности повелось: разделив триумф с соратниками, правитель должен опереться на новую, лично ему преданную элиту. Но старая гвардия упорно не желала уступать дорогу молодым выдвиженцам, устраивая саботаж. Старики из прежнего министерства то и дело вставляли палки в колеса, строя мелкие козни. Цюй Ли задыхался в этой удушливой атмосфере интриг. Империи требовалась новая кровь.

И юноша, стоящий перед ним, заслуживал самого пристального внимания. Да, он считался человеком принца Чжао. Но то, с какой поразительной ловкостью он уклонился от каверзного вопроса Императора, свидетельствовало о незаурядном уме и тонком понимании придворных законов. Цюй Луныцзюнь, живя под одной крышей с этим самозванцем, не мог не знать о подмене. Но почему принц пощадил его? Более того — окружил заботой и почетом? Брат никогда не отличался глупостью, а значит, у этого лже-лекаря имелись скрытые таланты, представлявшие огромную ценность. Переманить его на свою сторону — задача рискованная, но сегодняшняя беседа показала, что овчинка стоит выделки.

Император прекрасно знал, какие замыслы вынашивает его царственный брат, но время для расправы еще не пришло. Покушение на всенародного любимца, героя войны принца Чжао, вызвало бы бунт среди недовольных министров и окончательно лишило бы трон легитимности. Цюй Ли прослыл бы братоубийцей. Разумнее выждать, пока его собственная власть окрепнет, а народ признает его законным владыкой. Вот тогда можно будет объявить о заговоре и со скорбным лицом, проливая лицемерные слезы, казнить мятежного брата ради блага государства.

А человек, чьей смерти так жаждал Император, в этот самый миг сидел в Павильоне Жалеющей Звезды и тоже размышлял, как поскорее отправить августейшего брата в преисподнюю. Принц Чжао, Цюй Луныцзюнь, держал в руках раскрытую книгу, но его блуждающий взор не задерживался на строчках — тревожные предчувствия не давали сосредоточиться.

В тишине полутемного зала бесшумно возникла фигура в черном одеянии. Слуга пал ниц:

— Ваше Высочество.

— Говори, — отозвался Цюй Луныцзюнь, не поднимая головы.

Посланник приблизился и едва слышно зашептал на ухо господину. Принц Чжао резко, со стуком захлопнул книгу и швырнул ее на стол:

— Ты уверен? Своими глазами видел?

— Никак нет сомнений, Ваше Высочество. Лично наблюдал.

Цюй Ли? С чего вдруг Император заговорил с Цин И? Случайность? Или государь что-то пронюхал?.. Опрометчивость здесь смерти подобна. С этого коварного зверя нельзя спускать глаз. Нужно немедленно вернуть Цин И, пока не случилось непоправимого.

— Веди, — бросил принц, резко поднимаясь с кресла.

— Слушаюсь!

— Откуда ты родом? — заложив руки за спину, Император задумчиво созерцал ясный лунный диск.

Цин И на мгновение замялся. Рано или поздно этот разговор должен был состояться.

— Из очень далеких краев, Ваше Величество.

— Вот как? — Цюй Ли медленно повернулся к нему.

— Да, государь.

— И ты полагаешь, Я поверю в эту сказку?

Император умело прощупывал почву. Покорить человека силой и страхом — удел недалеких тиранов; чтобы завоевать искреннюю преданность, нужно овладеть его разумом и сердцем.

— Ничтожный не смеет лгать Вашему Величеству. Мои слова чисты.

— Как же твое настоящее имя?

Цин И помедлил, глубоко вдохнув холодный ночной воздух:

— Мой род носит фамилию Юйвэнь. Мое имя — Цин И.

— Красивое имя, — одобрительно кивнул Цюй Ли.

— Благодарю за похвалу, Ваше Величество, — ответил юноша, а про себя раздраженно подумал: «И все-таки, к чему клонит этот безумец? Неужели он притащился сюда посреди ночи ради пустой светской беседы?»

— До Меня доходили слухи, — вкрадчиво заговорил Император, — будто у целителя Е Юаня был брат-близнец, потерявшийся во время смуты еще в младенчестве...

Цин И мысленно застонал. «Цюй Ли, во имя всех богов, что ты творишь? Мне не нужны твои фальшивые оправдания для моей легенды!»

— Ваше Величество... — начал было юноша, но Император бесцеремонно оборвал его на полуслове:

— Похоже, тебе неизвестна тайна происхождения Е Юаня. Знаешь ли ты, кто были его

родители?

Этот вопрос заставил Цин И умолкнуть. Вопрос о корнях настоящего Е Юаня давно не давал ему покоя.

Заметив, как помрачнел собеседник, Цюй Ли удовлетворенно сощурился:

— Е Юань обладал божественным даром исцеления, а красотой его восторгалась вся столица. Тебе не любопытно, откуда в нем эта порода?

— Ничтожному сие неведомо, — тихо ответил Цин И.

— Двадцать три года назад в Башне Лунной Красавицы, что в имперском городе Юйляне, зажглась новая звезда. Прекрасную куртизанку звали Цинь Лань. О ее неземной красоте слагали легенды: кожа бела, как первый снег, брови точно соболиные крылья, а взгляд — нежный, как осенний лунный свет. Всякий, кто хоть раз лицезрел этот живой образ небожительницы, терял покой навсегда.

— Ничтожный слишком туп, дабы постичь глубину речей государя. Прошу, поведайте подробнее, — произнес Цин И, чувствуя, как внутри нарастает смутная тревога.

— Господин Юйвэнь — человек проницательный, к чему притворяться глупцом? Столице известно, что Е Юань родился в веселом квартале. Его матерью была та самая ослепительная Цинь Лань. Что же до его отца... — Цюй Ли подошел еще ближе, и в его глазах вспыхнул недобрый, издевательский огонек. — Поговаривают, это был знатный бездельник и гуляка, пообещавший выкупить несчастную из борделя и сделать законной супругой. Но судьба сыграла с ним злую шутку: прежде чем он успел исполнить обет, его прибрала к рукам постыдная срамная болезнь. Богатство ветреника тут же растащила алчная родня, оставив девицу у разбитого корыта.

Хотя Цин И с первых слов Императора догадывался, к чему клонится нить рассказа, неприглядная правда все равно ранила его до глубины души.

«Е Юань...»

В памяти всплыла сине-фиолетовая яшма. Прекрасная вещь, которой восторгаются, пока она в цене, но выбрасывают без жалости, стоит ей надоесть. О несчастный целитель!

За его показной холодностью и презрением к миру скрывалась глубокая, незаживающая рана. Даже принц Чжао, деливший с ним кров и помыслы, не подозревал, какую муку тот носил в своем сердце. Темная прожилка на драгоценной яшме пролегалa вовсе не по камню — она кровоточила в самой душе Е Юаня.

До чего же омерзителен этот Цюй Ли! С какой садистской ухмылкой он ворошит чужие могилы, копаясь в старой грязи. Что за удовольствие доставляет ему эта подлость?

— Ничтожный не понимает, для чего Ваше Величество соблаговолило потревожить тени прошлого, — с ледяным спокойствием произнес Цин И.

Цюй Ли с любопытством вглядывался в его бледное, лишенное эмоций лицо. Не удержавшись, Император протянул руку и властно обхватил пальцами подбородок юноши, заставляя его поднять голову.

Цин И инстинктивно дернулся, пытаясь высвободиться из унижительного захвата.

— Мне не довелось увидеть Цинь Лань во всем блеске ее былой славы, — тихо проговорил Цюй Ли, не выпуская его лица. — Но глядя на твои черты, Я убеждаюсь: слухи ничуть не преувеличивали ее прелесть.

— Это всего лишь тленная плоть, сосуд из костей и кожи, — холодно отозвался Цин И. Глупый язык вновь опередил разум.

— Сосуд из кожи и костей? Ха-ха-ха! — Император отпустил его подбородок и весело рассмеялся. — Великолепно! Мне по душе твоя дерзкая прямота. Будь в Моем совете побольше таких смельчаков, Великая Цюй давно бы расцвела под сенью мира и благоденствия.

— Ваше Величество превозносит меня сверх меры. Это лишь глупая оплошность, за которую я заслуживаю жестокого наказания.

— Нет тут вины, лишь заслуга!

«Пытаешься приручить меня лаской?» — иронично подумал Цин И.

Ему было прекрасно известно, какими методами владыки заманивали в свои сети преданных слуг. Все эти лстивые речи, раздача пустых обещаний и притворное великодушие веками кочевали из хроники в хронику. Но Цин И не стремился к власти. Не из трусости или лени — он просто помнил главный закон истории: декорации меняются, но суть человеческой комедии остается прежней. Тысячелетиями придворные боролись за близость к трону, возносились на вершину могущества, но в итоге неизменно находили свой конец на эшафоте или от яда соперников. Никому еще не удавалось обмануть судьбу в этой игре.

— Ваше Величество, ночная прохлада вредна для вашего августейшего здоровья, — мягко произнес Цин И, надеясь закончить этот тягостный разговор. — Государю негоже задерживаться в сыром саду, прошу вас вернуться во дворец.

Больше всего на свете ему хотелось поскорее отделаться от Цюй Ли. Стоит только завершиться

осеннему поминовению предков, и он навсегда покинет этот террариум, укрывшись в бескрайних просторах Поднебесной.

Эта дерзкая попытка выпроводить его уязвила самолюбие Императора. Впрочем, раздражение быстро улеглось. «Ничего, спешить некуда, — подумал Цюй Ли. — Все, чего Я страстно желаю, рано или поздно оказывается у Моих ног. И эту гордую сосну Я тоже заставлю склониться».

В воцарившейся тишине издалека донесся встревоженный, громкий голос принца Чжао:

— Е Юань! Где ты? Юань-эр!

В темноте между стволами деревьев замелькали оранжевые отсветы факелов.

Шаги и голоса приближались с пугающей быстротой. Едва силуэт Цюй Луныцзюня показался на опушке, как императорские гвардейцы с грозным звоном обнажили клинки, преграждая путь незванным гостям:

— Назад! Пред вами Его Величество Император! Кто смеет нарушать покой государя?

Разглядев в лунном свете фигуру брата, принц Чжао немедленно опустился на одно колено. Сопровождавшие его воины дружно пали ниц.

— Мой грех! Я не ведал, что Ваше Величество изволит прогуливаться здесь. Молю о снисхождении за непростительную грубость.

— Брат мой, поднимись же скорее, — Цюй Ли лично шагнул вперед и бережно взял принца под локоть, увлекая за собой. — Моя стража проявила излишнюю ревность, не признав принца Чжао. Прости их за дерзость.

— Помилуйте, Ваше Величество, они лишь исполняли свой долг. Вина лежит целиком на мне. Я был так встревожен исчезновением лекаря Е, что потерял голову... Прошу простить мою дерзость.

— Ах, лекарь Е... — Цюй Ли понимающе и почти лукаво улыбнулся. — Вот оно что. Кажется, Я невольно помешал вашему свиданию.

— Ваше Величество изволит шутить! — поспешно возразил принц Чжао.

— Что ж, не стану вам докучать, — усмехнулся Император. — Юнь Чжоу!

— Ваш раб здесь, — вырос из темноты евнух.

— Возвращаемся в покои.

— Слушаюсь! Обряд завершен, Император отбывает в свои палаты! — зычно провозгласил Юнь Чжоу.

— Счастливого пути, Ваше Величество, — хором выговорили Цюй Луныцзюнь и припавший к земле Цин И.

Проходя мимо застывшего в глубоком поклоне Цин И, Цюй Ли на мгновение задержал на нем тяжелый, пронизывающий взгляд. Монарх змеино усмехнулся.

«А ты весьма забавный малый, Юйвэнь Цинъи...»

Окруженный безмолвной стеной телохранителей, Император скрылся в ночной мгле. Цюй Ли тихо, торжествующе усмехнулся про себя:

«Что ж, царственный брат... Сделай свой первый ход. Я жду».

<http://bllate.org/book/20580/2189643>